

Л.А. Капитанова

«Каких только не бывает в жизни встреч!»

И средь ладоней неисчетных
Не находил еще такой,
Узор которой в знаках четных
С моей бы совпадал рукой.

М.Волошин

«Дама с собачкой» (1899) — последнее прозаическое произведение Чехова о любви. Герои рассказа переживают любовное чувство как откровение, как нравственное прозрение, когда «открываются глаза не только на себя, но и на все окружающее; обнаруживается ненормальность, неестественность уклада жизни, до сих пор казавшегося нормальным, естественным». Началось же все с незначительного происшествия, мелкого житейского случая — знакомства на ялтинском курорте мужчины и женщины.

Чеховский рассказ о чуде объятия двух сродных душ открывается голосом курортной молвы о том, что «на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой». Кажется, ничего особенного не произошло: очередная отдыхающая среди множества подобных ей, одним лишь и отличается от остальных — тем, что она с белым шпирцем. Однако в таком маленьком пространстве, как чеховский рассказ, ничего не бывает случайным. Среди сплошного подобию, характерного нарядной ялтинской толпе («пожилые дамы были одеты, как молодые, и было много генералов»), безымянная «дама с собачкой» — лицо единственное.

Но Гуров воспринимает незнакомую женщину не иначе, как еще одну. Так он думает о героине, когда надеется завести с ней курортный роман. И так продолжает думать, когда направляется с Анной Сергеевной в ее номер. У дамы с собачкой уже есть имя, и к тому времени Гуров чувствует, что она не такая, как все, но по въевшейся привычке адюльтера привычно отмечает: еще одна.

Вся ирония судьбы заключается в том, что герой, думающий о встреченной им в Ялте женщине как об одной из множества, даже не подозревает, что вскоре она станет для него единственной — «его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя», и что «на всем свете» не будет «ближе, дороже и важнее» ему человека. Но это Гурову еще предстоит осознать, а пока — роман на время, расставание и привычные мысли о том, «что вот в его жизни было еще одно похождение или приключение, и оно тоже уже кончилось, и осталось теперь воспоминание...».

Жизнь течет привычным руслом и расставляет все на нужные места. В зимнем городе «приятно видеть белую землю, белые крыши», «дышится мягко, славно», и «не хочется думать о горах и море», кипарисах и пальмах. Однако чеховский герой подвластен не только природным ритмам и заведенному распорядку дня, как-то: чтению газет, посещению ресторанов, клубов, званых обедов, юбилеев, встречам с известными и нужными людьми, игре в карты, — всему тому, что делало его жизнь устойчивой и подобной жизни окружающих.

В Гурове обостряется ощущение внутреннего времени, которое неуклонно возвращает его памятью к ялтинской встрече: «а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера». Таким образом, жизнь героя Чехова исчисляется двойным временным измерением. В настоящем (внешнем) времени он живет явной, физической жизнью, в которой «мог съесть целую порцию селянки на сковородке», и в прошлом (внутреннем) — жизнью тайной, духовной, где теснились и «разгорались все

сильнее» воспоминания. «Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей... слышал ли он романс или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресало в памяти все...»

В тайной жизни Гурова Анна Сергеевна «шла за ним всюду, как тень... Закрывши глаза, он видел ее, как живую... Она по вечерам глядела на него из книжного шкапа, из камина, из угла, он слышал ее дыхание, ласковый шорох ее одежды. На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли похожей на нее...»

Чехов показывает, как постепенно в жизни героя происходит сдвиг времени. То, что живет в его памяти внутренне, начинает проникать в явную, повседневную жизнь и, главное, быть в ней желанным. Тем самым в «Даме с собачкой» переосмысливаются известные чеховские слова: «Русский любит вспоминать, но не любит жить». Гуров хочет сделать воспоминания своей реальной жизнью. Он перечеркнул единственность и неизблемость накатанной колеи с ее устоявшейся атрибутикой — официальным браком, бытом, службой... когда нестерпимо захотел вернуть в свою жизнь женщину из ялтинского «романа». Предпочтение мира воспоминаний реальному порядку вещей подводит героя к осознанию того, что до сих пор он жил не только неправильно, но жизнью ненастоящей, «призрачной, при всей своей явности — в сравнении с другой, скрытой, невидимой, но подлинной».

Но уезжая в город С., где живет Анна Сергеевна, он не вполне сознает всего того, что с ним случилось. То, что его настигла любовь, — «первый раз в жизни» — Гурову еще предстоит пережить.

Открывшееся ему чувство к Анне Сергеевне явится для чеховского героя душевным потрясением. Никогда не уважавший женщин, называвший их «низшей расой», беспрестанно меняющий объекты своих увлечений, будучи сосредоточенным на «скорых, мимолетных связях», он смотрел на маленькую женщину, сидевшую в третьем ряду, и понимал, что она «теперь наполняла всю его жизнь».

Именно здесь, в театре, ему нестерпимо больно видеть любимую затерявшейся в провинциальной толпе, среди оглушительного шума настраивающегося оркестра и кипящей галерки. Взгляд Гурова выхватил «местных франтов» с манерно заложенными назад руками, сидевшую в ложе губернаторскую дочь в боа, и самого губернатора, скромно скрывшегося всем телом за портьерой, выставив напоказ одни только руки. Всюду сновали «какие-то люди в судейских, учительских и удельных мундирах, и все со значками», «точно лакейскими номерами».

И Гуров понимал, что весь этот пронумерованный, лакейски раскланивающийся во все стороны, чинно восседавший в креслах партера мир не имел никакого отношения к ним; они находились по другую сторону от него.

Счастьем стала их бездомная тайная жизнь, о которой «ни одна живая душа не знает... и, вероятно, никогда не будет знать». Однако именно она составляла для Гурова «зерно его жизни» — «настоящая, самая интересная жизнь». И поэтому он ждал и ждал каждого приезда Анны Сергеевны в Москву. «Им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках».

В любви двух нежно сродных людей явственно проступает трагическая безысходность. «Как освободиться от... невыносимых пут?» Ответа на этот вопрос у них не было. А поэтому рассказ Чехова заканчивается словами: «И казалось, что еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается».

Но у чеховского рассказа есть и еще один непреложный смысл.

Заметим, что герои Чехова даже не вспоминают о разводе как возможности разрешить свою личную драму, поскольку эта форма, видимо, не содержит в себе ничего особенно действенного. Их претензии, их боль, считает исследователь, в другом. Прозревшие пошлость, никчемность мира, где властвует «душок», чеховские герои предъявляют претензии непосредственно к самой жизни. Именно в ней необходимо искать корни человеческих несчастий и трагедий. Этот смысл делает понятным то, почему писателя так волновала тема пошлости, выступающая в чеховском мире как сила, враждебная Духу.

Чехов хотел, чтобы человек не закрывался от жизни, а, напротив, умел прожить каждый подаренный ему миг, ощутить ее полноту, многообразие и красоту.